ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.Ф. ГРЯЗНОВЕ

7 ноября 2001 г. в возрасте 53 лет ушел из жизни Александр Феодосиевич Грязнов, удивительный человек и замечательный ученый.

Мне довелось общаться с ним в течение двенадцати лет, и я убежден, что он занимал особое место в нашем философском сообществе. Он всегда сохранял интеллектуальную автономию, иронично и несколько отстраненно воспринимая происходящее, поскольку чувствовал свою принадлежность традиции англо-американской аналитической философии, которая никак не могла укорениться у нас. Отечественные философы порой эмоциональны, они начинают "с главного" и убеждены в значимости личных экзистенциальных переживаний. Аналитики же практикуют сухой и беспристрастный концептуальный анализ.

Сказанное никоим образом не означает, что Александру Феодосиевичу было свойственно высокомерное отношение к нашей философии. Подобные чувства у него вообще отсутствовали, и он всегда мог по достоинству оценить таланты и научные заслуги своих коллег, к которым относился с большим уважением. И он вовсе не был индивидуалистом, а напротив, затрачивал много усилий, чтобы как можно шире распространить "аналитические" взгляды и убеждения среди своих коллег-соотечественников. Эта деятельность во многом носила просветительский характер. Грязнова вообще можно назвать главным представителем "аналитического Просвещения" в России на рубеже XX и XXI вв. То, что делал Александр Феодосиевич, трудно переоценить. Во всем мире сегодня наблюдается какой-то удивительный интерес к философии. Кризис конца XIX – середины XX в. сменился периодом ее бурного роста. И Россия не должна отставать от других философских стран. Собственно, этого и не происходит. В последние годы наблюдаются серьезные позитивные изменения, как в количественном, так и в качественном отношении.

С одной стороны, продолжают плодотворную деятельность многие признанные лидеры отечественной философии, с другой – появляются новые имена. Но иногда возникает впечатление, что все эти процессы сопровождаются определенным перекосом в сторону так называемой национальной философии. Усугубление данной тенденции могло бы привести к идейной самоизоляции России и ей следует противопоставлять политику "открытых дверей" для современной западной философии.

А.Ф. Грязнов и был человеком, олицетворявшим и проводившим подобную политику в нашем философском сообществе. Он начал свою научную карьеру с публикации работ о Т. Риде и шотландской

школе "здравого смысла" (1979), которая привлекает все большее внимание западных историков философии, продолжил – монографией и учебным пособием по философии Л. Витгенштейна. Последней теме была посвящена и его докторская диссертация (1990). Но самыми успешными в плане его просветительских усилий в области аналитической философии оказались последние годы. Несмотря на тяжелую болезнь, Александр Феодосиевич перевел и прокомментировал выдающиеся работы западных философов-аналитиков – "Теории сознания" С. Приста (2000) и "Открывая сознание заново" Дж. Сёрла (2002), подготовил прекрасную антологию аналитической мысли "Аналитическая философия: становление и развитие" (1998), продолжающую его более ранний проект "Аналитическая философия. Избранные тексты" (1993), опубликовал чрезвычайно информативную обзорную статью "Феномен аналитической философии в западной культуре XX столетия" (Вопр. философии. 1996. № 4) и участвовал в ряде других подобных проектов.

Большим успехом у студентов философского факультета МГУ, где прошла вся академическая жизнь А.Ф. Грязнова, пользовался его спецкурс по современной философии сознания. Его посещали не только те, кто специализировался по истории зарубежной философии, но и студенты с других кафедр. Аудитория не всегда могла вместить всех желающих. В таких случаях, рассказывал Александр Феодосиевич, он читал лекцию чуть более сложно, чем обычно, и проблема решалась.

Вообще же лекции Грязнова были ясны и прозрачны. Слушателям не составляло труда их записывать и использовать в своих целях. Публикация этих лекций стала бы заметным событием в философской жизни страны. К сожалению, как сообщила мне супруга Грязнова А.А. Лаврова, текстов самих лекций в личном архиве Александра Феодосиевича не сохранилось. Собственно, их никогда и не было. При подготовке он составлял краткий план своей речи, подкрепляя каждую фразу обильными цитатами из оригинальных текстов ведущих западных мыслителей, многих из которых, например А.Д. Айера, П. Стросона или Т. Нагеля, он хорошо знал лично и вел с ними переписку.

"В стол", однако, Грязнов писать не любил, словно экономя силы. Это заметно по его публикациям. Он не придавал большого значения внешней форме. Мысль в его работах преобладает над словом. Это признак крупного философа. Вместе с тем Грязнов был сильным полемистом. Вспоминаю, как на очередных "Ломоносовских чтениях", ежегодно проводящихся в МГУ, я начал свое выступление о Юме с заявления, что современные аналитические философы, в отличие от знаменитого шотландского мыслителя, игнорируют классические приемы рациональной философской аргументации. Александр Феодосиевич сразу же обратил внимание присутствующих на то, что если "проглотить" этот тезис, то из него будут сдела-

ны далеко идущие выводы, и потребовал дать четкое определение аргументации такого рода. Он всегда был готов защищать аналитическую философию.

Иногда даже казалось, что вера Грязнова в возможности аналитической философии мешает ему точно оценивать перспективы других направлений. Но это не так. Он высоко ценил британскую метафизику XVIII в., написал ряд ценных статей о Канте и т.п. Долгое время он, правда, весьма резко отзывался о феноменологии Э. Гуссерля, считая ее бесплодной схоластикой. Но в последние годы его отношение стало меняться в связи с переориентацией его интересов с философии языка на когнитивную науку и философию сознания, немыслимую без анализа понятия интенциональности, вошедшего в современную мысль с подачи Ф. Брентано и Гуссерля.

Впрочем как бы ни высказывался Грязнов о тех или иных мыслителях в узком кругу своих коллег, в лекциях и общедоступных текстах он всегда сохранял максимальную корректность и объективность, подавая хороший пример своим ученикам. У него был дар работы с молодыми учеными. Мягко наставляя их, он был очень информативен и всегда выражал готовность помочь с публикациями.

Сам Александр Феодосиевич, к сожалению, не успел опубликовать всего задуманного. Он собирался написать книгу о философии сознания, которую можно было бы попытаться реконструировать по, возможно, сохранившимся у кого-то магнитофонным записям его курсов. Она стала бы логическим завершением его усилий по внедрению аналитических приемов мысли в российское философское сознание. Но пока это беспредметные рассуждения. Книги нет, и в поисках неизвестных отечественному читателю текстов Грязнова мы натолкнулись на любопытнейшую рецензию, написанную им на книгу Д. Бакхурста "Сознание и революция в советской философии. От большевиков до Эвальда Ильенкова" (1991) и опубликованную в "Британском журнале по истории философии" в 1994 г.

Уникальность этого текста состоит в том, что А.Ф. Грязнов выступает здесь в совершенно необычной для себя роли – защитника российской "национальной" философии перед лицом западной традиции. То, как он справляется с этой ролью, вызывает уважение и лишний раз свидетельствует о незаурядности этого человека и ученого.

В.В. Васильев